

ОГОНЬ, МЕТАЛЛ, ЖЕНЩИНЫ: ТРИ СТИХИИ ОДНОГО ВЕКА

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА
ЮЛИЯ ГУТМАН

Наталья Иванова
Юлия Гутман
Огонь, металл, женщины:
три стихии одного века

<https://litres.ru/74573822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга является художественным произведением, написанным по биографиям, воспоминаниям и стенографиям её героинь. Все имена,

даты и события реальны. Мы, авторы книги, лишь придали им художественную обработку: описали быт по воспоминаниям и сохранившимся фотографиям, придали живости официальным речам и вдохнули немного жизни в сухие партийные и официальные отчёты.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1. Софья Бутенко	10
Глава 2. Анна Шерина	38
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Наталья Иванова,
Юлия Гутман**

**Огонь, металл, женщины:
три стихии одного века**

Женщинам Кузбасса посвящается

Эта книга является художественным произведением, написанным по биографиям, воспоминаниям и стенографиям её героинь. Все имена, даты и события реальны. Мы, авторы книги, лишь придали им художественную обработку: описали быт по воспоминаниям и сохранившимся фотографиям, придали живости официальным речам и вдохнули немного жизни в сухие партийные и официальные отчёты.

Вместо предисловия

Сейчас многие женщины задаются вопросом: а не пережали ли феминистки начала XX века в своих устремлениях? За что боролись? За равенство, за возможность определять свою судьбу и судьбу своей страны, решать, кем им быть, выходить ли замуж и за кого, рожать детей или строить карьеру, заниматься наукой или покорять горные вершины, носить юбки или брюки, в конце концов!

Что у них получилось? Получилось, что женщины возложили на себя традиционно мужские обязанности и профессии, при этом не поделившись с мужчинами женскими. Женщина — шпалоукладчица — легко! Мужчина — домохозяин? Встречается, но крайне редко, и порицается обществом, как это ни странно.

Смеем напомнить: женское движение в Сибири зародилось ещё в дореволюционное время, а в 20-е годы XX века начало набирать обороты. Конечно же, на его развитие повлияло в большей мере социально-экономическое состояние страны. Образно говоря, не хватало рабочих рук. В те годы большая часть женщин оставалась домохозяйками; традиционно работали и проявляли общественную активность учительницы, библиотекари, секретари в различных государственных учреждениях. Они-то и стали основным двигателем «осознания свободного труда для женщин». В школах,

например, организовывали женские собрания, где шла агитация и даже проводились «политсуды» над домохозяйками. Женщинам пеняли, что они не интересуются общественной жизнью страны и «погрязли в быте».

30-е годы показали небывалый рост женского общественного движения по всей России, а в Сибири люди, казалось, старались выполнить «пятилетку за год». Жёны работников «Запсибзолота», «Кузбассугля» и Кузнецкого металлургического комбината организовывали советы жён инженерно-технических работников и стахановцев, где ставили перед собой задачи «создания условий труда для мужчин, которые не будут отвлекать их на бытовые "мелочи"». Советы жён стали преобразовываться, включать в себя и работниц этих предприятий, но основная задача оставалась прежней — как бы сейчас сказали: никакая «бытовуха» не должна отвлекать советского работника от выполнения и перевыполнения плана, поставленного государством.

Неудивительно, что к 1936 году такая повсеместная активность женщин не только в трудовом, но и в социальном плане, была замечена государством. Тогда-то в Москве, в самом Кремле, и состоялось первое Всесоюзное совещание жён хозяйственников и инженерно-технических работников тяжёлой промышленности. Оно проходило в присутствии самого Сталина, Орджоникидзе и других госуправителей того времени.

А потом пришла война. Тогда, в 1941 году, был создан

Антифашистский комитет советских женщин. Ведь трудовой подвиг советского народа в большинстве своём был совершён женщинами и детьми, которые встали за станки на заводах, работали у доменных печей, изготавливали патроны, шили шинели... Очевидно, что после Победы женское общественное движение расцвело. Никто уже не сомневался в праве женщин быть председателями колхозов, управлять предприятиями и занимать государственные должности.

В 1956 году правопреемником Антифашистского комитета стал Комитет советских женщин.

При этом между успехами страны и простым бытом всех этих женщин лежала пропасть. Страна гордилась урожаями и добычей угля, великими стройками и освоением крайнего Севера, а достать простые бытовые мелочи, например, туалетное мыло, зубной порошок или хорошую обувь, — было сродни чуду. Даже в более-менее спокойные 70-е и в начале 80-х люди занимали очередь в магазинах с раннего утра, чтобы успеть купить «выброшенные» стенки¹ или сапоги. Да что там стенки и сапоги — молоко и сметана в том же 1984-м отпускались по две бутылки молока и по одной баночке сметаны в руки, а очередь змеилась по улице за дверями магазина. Часто женщины отправляли в эту очередь детей, потому что с работы уйти было невозможно, а в обед или к концу

¹ Стенка — предмет мебели, представляющий собой выполненные в одном стиле шкафы разного назначения (для одежды, посуды, книг и т. д.), устанавливаемые вдоль одной стены (здесь и далее прим. авт.).

рабочего дня уже ничего не оставалось...

В последнее время споры о «победившем феминизме», обвинения в сторону Клары Цеткин и других активисток женского движения за свободы и равенства в социальных сетях достигают такого накала страстей, что из-за взаимных обвинений оппонентов даже читать такое не хочется.

Эта книга не о феминизме, не о том, что женщины могут стоять наравне с мужчинами даже в таких тяжёлых профессиях, как освоение космоса и металлургия. Не о том, что они имеют полное право на самовыражение — хоть картины вышивай, хоть шпалы укладывай. Здесь мы не будем спорить и говорить о том, чего хотели феминистки начала прошлого века и чего добились.

Эта книга о том тихом подвиге, который каждый день с незапамятных времён и по сей день совершают миллионы женщин по всему миру, совершенно не требуя для себя каких-то прав и свобод. Им не нужны эти права и свободы. Они хотят, чтобы их дети были сыты и счастливы, мужа не погибали в войнах, родители встретили старость в любви и заботе, а родной край процветал. Эта книга о настоящих женщинах. Тех, кто помнит, что «ПРОШЛОЕ — В ПАМЯТИ. НАСТОЯЩЕЕ — РЯДОМ». Кто является частью Союза женщин России, созданного в 1992 году, причём даже не состоя в организации официально. Потому что любая женщина в своей жизни ставит те же самые приоритеты: помощь и поддержка близким, забота о детях, ветеранах и воинах, кото-

рые сейчас далеко.

Конечно же, судьбы женщин, о которых повествуется в этой книге, тесно связаны с историей страны в целом и историей Кузбасса в частности. Только вот здесь не пойдёт речь о роли партии, политическом самосознании и так далее. Речь наша — о живых людях, которые жили, радовались и горевали, встречали и теряли любимых, рожали детей и растили их здесь — в Сибири, работая на металлургическом комбинате, с которым связали свои жизни. Мы расскажем о настоящем — трудовом подвиге, любимых рецептах, красивых нарядах и увлечениях. Словом, обо всём, что и составляет настоящую жизнь женщины.

Историческая справка: строительство Кузнецкого металлургического комбината (КМК) началось в 1929 году. Промышленный гигант был построен в рекордные 1000 дней, и в 1932 году был получен первый чугун. Датой создания Западно-Сибирского металлургического комбината (ЗСМК) считается 1964 год. Вместе с КМК два огромных завода образовали металлургический кластер Кузбасса. Официально гиганты слились гораздо позже, в 2011 году. В книге, чтобы не путать читателя, мы объединяем их в один с момента создания ЗСМК. Женсовет образовался именно в 30-е годы, в момент начала полноценной работы КМК.

Глава 1. Софья Бутенко

Соня Бутенко. Город Сталинск, 1934 год

«Боже, такая грязь, какие ямы!» — вот что было первыми мыслями Сони Бутенко, когда она вместе со своим мужем Константином Ивановичем и племянницей впервые приехала в Сталинск. Конечно же, ей было неизвестно, что в таком далёком от неё будущем этот город получит имя Новокузнецк и расцветёт. Не знала Соня и о том, что именно благодаря ей и таким женщинам, как она, он и станет красивым, уютным и комфортным. Городом со своей самобытной историей и судьбой.

Сейчас же Соня стояла, крепко держа за руку четырнадцатилетнюю Тому, и недовольно смотрела на мужа. Казалось, настроению портиться дальше уже некуда, но вот они подъехали к двухэтажной гостинице, сложенной из ошкуренных брёвен, потемневших от времени и погоды, и стало ясно — нет, настроению ещё есть куда падать.

Они с Тamarой остались в этом ужасном бараке разбирать вещи, а Константин Иванович, назначенный самим Орджоникидзе на должность директора Кузнецкого металлургического комбината, сразу же отправился на завод. Соня только

через некоторое время заметила, что по её щекам текут горячие слёзы.

«Как тут жить? Что делать? Как тут вообще люди живут?!» — Мысли, что проносились в её голове, пока они с Томой разбирали свой нехитрый багаж, были чернее ночи.

— А давай немного прогуляемся! — предложила племянница.

Ей, юной девчонке, всё казалось интересным. А может быть, свойственное всем детям чувство сопереживания толкало сделать хоть что-нибудь, чтобы любимая тётя, воспитывавшая её с детства, хоть чуть-чуть отвлеклась от тяжёлых мыслей о предстоящем быте.

Соня согласилась. Они вышли из гостиничного барака и отправились по тропинке куда-то в гору. Просто куда глаза глядят. Вдоль тропки стояли ярко-оранжевые цветки, здесь их, как они потом узнают, называли «огоньки».

— Смотри, какие красивые! — воскликнула Тома.

И тут они взобрались на холм. Дух захватило. Перед ними раскинулось огромное цветущее поле, пламенеющее этими самыми цветами. Сердце Сони наполнилось надеждой. Она и сама не заметила, как начала срывать цветы, собирая большой букет. Рядом то же самое делала Тамара.

Вернувшись в гостиницу, Соня позвонила мужу:

— Ты знаешь, нам уже здесь нравится!

С этих цветов для неё началась новая жизнь в Сталинске. Она ещё не знала, чем будет заниматься, но без дела си-

деть не привыкла. Простые домашние женские обязанности: прибраться, приготовить, постирать — не были для Сони, родившейся в простой крестьянской семье в греческом селе Стыла неподалёку от Мариуполя, чем-то непосильным или тяжёлым. Может быть, будь у них с мужем маленькие дети, голодная скотина в хлеву, огород, она и была бы занята с утра до ночи. Но не случилось. На воспитании была уже достаточно взрослая девочка Тамара, дочка её брата, — скорее помощница, чем обязанность.

* * *

Соня, несмотря на своё крестьянское происхождение, всегда любила учиться. Она ещё в селе окончила четыре класса церковно-приходской школы, а с установлением советской власти сразу же пошла учиться в первую восьмиклассную трудовую школу. Умненькой и усидчивой девочке учёба давалась. Не сказать, что легко, но дорогу осилит идущий.

В 1921 году всех учеников школы мобилизовали переписчиками в район. Печатных машинок не было, и ребята работали вместо них. Иногда писать приходилось столько, что синие от чернил пальцы просто ломило. Так Соня оказалась в Донецке, у двоюродной сестры, чей муж работал в райкоме партии управделами. Вот тут-то она и познакомилась с пишущей машинкой — тяжёлым «Ундервудом», который спас её девичьи пальчики от постоянной чернильной синева. Она

стала работать у сестриноного мужа — печатала протоколы собраний. Благодаря этой работе Соня смогла переехать из семьи сестры — ей дали комнату в общежитии холостяков-инженеров при Донецком металлургическом заводе.

Константин Иванович Бутенко жил здесь же, а трудился сменным инженером в доменном цехе.

— Нельзя ли у вас иголочку с ниткой попросить? — как-то обратился он к невысокой ладной девушке с ясным взглядом, которую часто встречал на общей кухне или в коридоре общежития.

— Можно, — улыбнулась та.

С этого и началось их знакомство, которое привело Соню из тёплых краёв в суровую Сибирь вслед за мужем. Поженились они достаточно быстро. Её Костя из сменного инженера стал замначальника, потом начальником доменного цеха, а потом и директором завода. Был направлен в Германию с комиссией по закупке металлургического оборудования для советских заводов. Всё это время Соня, которую теперь все называли не иначе как Софья Александровна, продолжала работать — машинисткой, секретарём...

* * *

Как только они с Томой организовали домашний быт, даже повесили на окна красивые занавески, которые были обязательным условием уюта в их представлении, Софья Алек-

сандровна устроилась на работу в горком партии управделами.

Тома училась. Соня с мужем работали. Каждый день, когда Соня возвращалась домой, идя по грязным улицам, она смотрела на неблагоустроенные бараки, которые, в основном, и составляли весь жилой фонд строящегося Сталинска, и думала, что люди, которые столь тяжело работают, не должны жить в таких ужасных бытовых условиях. В жизни каждого человека должны быть уют, вкусная горячая пища, интеллектуальный отдых. А как живут дети? Многие же читать-писать не умеют, шарахаются без дела по городку! Кто из них вырастет?

Решение неожиданно пришло от секретаря горкома.

— Соня, — сказал он, — тебе надо бросать работу и включаться в деятельность женсовета!

«Вот же оно! — подумала она. — Вот так я смогу хоть что-то сделать! Мы вместе, все женщины, сможем!»

Софья Александровна Бутенко. Город Сталинск, 1935 год

Возможно, будь Софья одна в своих порывах улучшить жизнь простых советских рабочих, она бы надорвалась или отступилась, или бы все её усилия просто сошли на нет. Но на городские дороги, пребывающие в свойственном Сибири состоянии: грязь, грязь замёрзла, грязь засохла, — на дома

барачного типа с удобствами во дворе и тюфяками на сколоченных лавках вместо кроватей, на уставших рабочих и серых от постоянной безуютности женщин и детей со всё возрастающим негодованием смотрела не она одна. Жёны инженерно-технических работников комбината ещё за несколько лет до её появления в Сталинске создали совет жён. Правда, его работа шла с переменным успехом. Софья поняла, что многое зависит от человека, его возглавляющего, что председатель должен «зажечь» совет своим примером, своей трудоспособностью и способностью отдавать себя общему делу. Как и завещал Ленин.

Софья была истинной коммунисткой, и заветы партии не были для неё пустым звуком. Она искренне хотела воплотить в жизнь светлую идею об общем равенстве. Не убогом и сером, где все живут в одинаковых бараках и пробираются на работу по одной и той же грязи, а о том, где у каждого есть тёплая квартира, хорошая одежда, достаточно еды и времени на культурный отдых и развитие. А для этого нужно работать! Много — и именно женщинам! В конце концов, что мужчины могут понимать в красоте и уюте?

В тот же вечер, когда её избрали председателем женсовета, она «села на телефон» и начала обзванивать всех знакомых ей жён работников комбината. Многие из них уже состояли в женсовете, а некоторым лишь предстояло начать там работу.

— Валюша, — говорила Софья, — ты нам просто необ-

ходима! Что ты можешь сделать? А вот и посмотрим, что! Ты, главное, приходи завтра в клуб. Нам там выделили целую комнату, вот и соберёмся, подумаем, что уже делалось, что нужно сделать. Придёшь? Благодарю тебя, будем ждать.

Примерно такой же диалог состоялся и с Катюшей, и с Танюшей, и с Наташей, и ещё с десятком женщин Сталинска. Софья понимала, что её авторитет — это, скорее, авторитет её мужа, но ей, если честно, было чихать на мотивы. Главное, чтобы пришли.

* * *

Здание клуба культуры, где занимались самодеятельные коллективы, проходили их концерты и изредка концерты приглашённых исполнителей, было, как и всё в Сталинске, построено из огромных брёвен. От бараков внешне его отличали лишь широкое крыльцо под навесом и почти полное отсутствие окон. Внутри находился «концертный зал» — самое большое помещение со сценой и кулисами. Вместо стульев или кресел, которые помнились Софье в виденных ею концертных залах и театрах, здесь были грубо сколоченные лавки. В обычные дни они были составлены у стен, многие свалены друг на друга, а в дни концертов выволакивались в «зрительный зал», образуя несколько рядов. Было здесь и несколько комнат, которые, в отличие от неотопливаемого большого зала, в зиму топились буржуйками, чтобы бы-

ло возможно проводить собрания, заниматься рукоделием и самодеятельностью.

* * *

Одну из таких комнат и отдали когда-то, ещё до неё, под нужды женсовета. Первое собрание, второе, а дело никуда не идёт. Именно так думала Софья, которая взяла в привычку ходить в клуб ежедневно, как на работу. Она просто делала вместе с женщинами то, что досталось «по наследству» от предыдущего председателя — Теньковой. Да, та сделала многое, но Софье казалось, что можно сделать ещё и ещё больше. Ей хотелось это делать!

— Костя, что я не так делаю? — спрашивала она у мужа вечерами. Он — активный партийный работник, руководитель целого огромного металлургического комбината, которому всего за год работы удалось уже на 10 процентов увеличить производительность печей, — мог дать ей хороший совет.

— Сонюшка, а вот как вы выбираете, что делать и чем заняться?

— Обычно. Есть задача — улучшить быт простых рабочих. Мы проводим лекцию для женщин, как и что лучше делать...

— Вот поэтому дело и стоит на месте. Мало разговоров, как сделать лучше. Если у людей, например, нет постельного

белья, кто его будет крахмалить? Нужно выяснить, кто из твоих женщин на что способен и что умеет, нужно побывать дома у простых работников, посмотреть, как они живут, чего им не хватает. Поверь, родная, между жёнами и бытом семей инженерно-технических работников и простых рабочих — огромная разница. Только не надо ухудшать наш быт, чтобы быть вровень, нужно улучшать всё у них. С чего начнёшь?

— Со всего и сразу! — уверенно кивнула несколько поспрамлившая Софья, которая вдруг осознала, что со своим образованием, статусом жены директора и жизненным опытом стоит очень далеко от простого трудового народа.

* * *

— Женщины! Товарищи мои! — горячо выступила она на следующем же собрании. — Нам нужно разработать и утвердить план, согласно которому мы достигнем наших целей! Давайте сейчас все соберёмся, вспомним, что мы приходим не в кружок по интересам, а чтобы делать нужное, необходимое дело! Что у нас первое на повестке? Горячее питание рабочих в столовой? Начнём с него. Вставайте, пойдём!

— Как же? Что, просто пойдём? Не предупредив работников и поваров? — недоумённо вскинула тонкие выщипанные брови одна из участниц, одетая в красивое чесучовое пальто, сшитое по фигуре умелой швеёй.

— Товарищи, ну что же будет, если мы предупредим, что

сейчас в столовую с проверкой придёт женсовет во главе с женой директора завода?

— Нам стол накроют, как для Орджоникидзе и Молотова, — чётко и громко произнесла та самая Валюша, которая до замужества училась в кулинарном училище, а потом успела поработать в заведениях общественного питания и точно знала нормы и правила столовых.

— Правильно, — улыбнулась Софья. — Валентина, ты же знаешь, что должно быть? Сумеешь отметить все стандарты советских заводских столовых и отступления от них?

— Конечно, — несколько горделиво пожала плечами та.

— Значит, на тебе от женсовета и будет контроль за горячим и правильным питанием. Пойдёмте! Пока мы тут сидим, дело так и не сделается!

* * *

И Софья поднялась, накинула пальто и вышла первой. Она вела по весенней распутице свою женскую проверяющую комиссию вперёд, к заводу и столовой. Там их, конечно же, не ждали. Обед ещё не начался, работники должны были прийти немного позже. Заведующий было заметался, мол, не ждал гостей.

— Но рабочих-то вы ждали! Вот и покормите нас тем же!

— Но как же! У нас же всё просто — щи, каша с мясом, компот...

— А мы, по-вашему, не достойны пищи простых советских людей? Или дома готовим по царским рецептам? Вы это нам бросьте! — негодовала Софья, поддерживаемая женщинами.

Пока Софья Александровна разговаривала с заведующим, Валентина и ещё несколько женщин прошли на кухню. Бывшая студентка кулинарного училища и повар оказалась до тошной. Она проверила каждый котёл, каждый половник и тарелку, заглянула на склад с продуктами и оценила их условия хранения. Только потом уселась за стол женсовета.

— Картошка переморожена... — начала докладывать.

Список нарушений и требований для столовой был составлен, утверждён и подписан спустя пару часов. А Валентина была назначена главой комиссии от женсовета по питанию рабочих металлургического комбината. Стоит ли говорить, что питание вскоре улучшилось и стало более разнообразным.

По такому же плану женсовет и решил действовать дальше. Был составлен список первоочередных задач: жилищные условия простых рабочих, учащихся ФЗУ², общая грамотность населения, культурный досуг.

² Школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) (часто ошибочно — фабрично-заводское училище) — низший (основной) тип профессионально-технической школы в СССР с 1918 по 1940 год. Действовала при крупных предприятиях для подготовки квалифицированных рабочих.

Софья Александровна Бутенко.

Город Москва, Кремль, 1936 год

Первое Всесоюзное совещание жён хозяйственников и инженерно-технических работников тяжёлой промышленности. Софья замирала от масштаба происходящего. Никогда она не думала, что попадёт в Москву, в Кремль, будет пожимать руку самому Сталину и даже сидеть рядом с ним.

* * *

Три тысячи человек собралось в зале Кремлёвского дворца. Здесь были женщины со всех уголков страны, и каждая несла в себе осознание сделанного великого дела. Для Софьи эти дни смешались в пёструю ленту событий, которые она, казалось, прожила за единую секунду.

* * *

— Вас Орджоникидзе спрашивает, чтобы вы прошли в президиум, — услышала она чей-то возбуждённый шёпот.

Софья даже не сразу поняла, что это ей. Поднялась и на деревянных ногах прошла сквозь охрану на спецсцену. Тут все начали хлопать, и она обернулась. В президиум подни-

мался Сталин. Её генсеку представил Орджоникидзе. Софье было очень интересно на совещании. Она слушала женщин из других областей и многое для себя записывала, чем-то делилась сама. Вернулась в Сталинск вдохновлённой.

* * *

С тех пор как женсовет Кузнецкого металлургического комбината начал свою активную деятельность под председательством Софьи, прошло уже почти два года. Чего только они ни пережили и ни сделали за это время. Тяжелее всего пришлось с барачным бытом рабочих семей и организацией хоть какого-то детского устройства и досуга.

Софья тогда ходила, вместе со своими соратницами, домой к рабочим, в те самые бараки, и просто обмирала от жалости, глядя на детей.

«Детей очень жалко, — всё время думала она, — что ждёт их в будущем? Как помочь им выбраться из этих беспросветных барачков?»

Нищета была здесь царицей. Бараки в Нижней и Верхней колониях строились вместе с шахтами и заводами. Строились как временное жильё для рабочих, основную часть которых составляли энтузиасты, окрестные крестьяне, перебравшиеся «в город» от голода в поисках лучшей доли, и «вынужденные» переселенцы из центральных и восточных областей необъятной нашей Родины. Софье было знакомо

слово «индустриализация», но, как жена инженера, то есть квалифицированного, можно сказать, высшего работника, она даже и представить не могла, что кто-то ехал на стройку не по своей воле... Впрочем, оставим эти рассуждения историкам будущего. Сейчас же Софья видела длинные двухэтажные деревянные дома с торчащим над ними и отчаянно дымящим чёрным рядом печных труб.

Срубы эти были поставлены более пятнадцати лет назад и уже успели уйти в землю почти по самый край окон нижнего этажа. В каких-то окнах были стёкла, какие-то были наполовину заколочены досками, какие-то просто заткнуты тряпьем. В каждом таком «доме» по восемь-десять квартир. У каждой — свой вход и небольшой надел, буквально в паре-тройку соток, во дворе есть сарай и уборная в виде деревянной покосившейся будочки. Ни электричества, ни водопровода, ни уж тем более отопления. Заходишь — маленькие захламлённые сени, дальше сразу комнатка-кухня с печкой, на которой и готовится еда, греется вода для стирки, она же и отапливает комнату, рядом ещё одна комнатка, куда влезают лишь деревянные нары, изображающие из себя кровать. У единственного окна стол, пара табуретов или лавок. Пройти по такой «квартире» невозможно — сверху свисают постиранные детские пелёнки, портки, рубахи, под ногами почти что земляной пол.

«А нет, не земляной, просто такой грязный», — думала Софья, пробираясь к столу у окна, которое застеклено лишь

наполовину. Вторая же половина забита досками, виднеются по краям остатки разбившегося некогда стекла. Дышать здесь нечем. Чадит печка, жарится перемороженная картошка на прогорклом сале, парит чайник... А нет, не чайник, просто армейский походный котелок, который тут используют вместо него. И глаза. Огромные детские глаза на худых бледных лицах, которые смотрят на женщину в красивом пальто в красный рубчик как на пришлицу из другого мира. Сколько же их здесь? На этих двенадцати квадратных метрах вместе с родителями.

О чём ей говорить с этой женщиной? О необходимости социальной сознательности, о том, что дети должны учиться? Да этим детям одеться не во что, чтобы выйти на улицу, у них одни валенки и прабабкина телогрейка на двоих-троих!

Всё она понимала, эта маленькая сильная женщина. И то, что отцы на заводе или шахте с утра до ночи, и то, что матерям-домохозяйкам или таким же работницам тяжело в подобных бытовых условиях, и что за всем не уследишь, а всё же, всё же...

Каждый раз после таких посещений, когда Софья с сора-тницами поднимались в гору из Нижней колонии, ей казалось, что она поднимается в другой мир. Словно идёт из черноты, постоянной стужи и голода. Чувствовала себя ужасно. И она ещё плакала, когда приехала сюда и они поселились в гостинице, которая, по сути, была таким же бараком, только более благоустроенным. Там были электричество и даже во-

допровод! О чём она плакала? О том, что в красивых платьях ходить будет некуда? Заняться нечем? Какой же нелепой и смешной сейчас чувствовала Софья себя прежнюю, глядя на жильё и проблемы этих людей...

— Девочки, — почти (да и не почти) рыдала она потом в их комнате женсовета в клубе, — вы же видите, как растут эти барачные дети! Полуголодные, полуодетые, безграмотные, летом шатаются по улицам без цели и без дела, зимой дома сидят, потому что выйти не в чем. Товарищи мои, мы — как граждане Советского государства — не можем смотреть на это спокойно, наша задача — позаботиться о них. Мы можем собрать одежду, хоть десяток одеть — уже хорошо! Безграмотные? Значит, надо учить. Бездельные? Значит, надо приставить к делу. Воспитание советского человека — это не только задача родителей...

* * *

— Мы можем шить, — аккуратно предложил кто-то, и тут же женщины стали перешёптываться, собираться в кружок, думать, где что достать и как посчитать детей, которым можно что-то пошить.

— Хорошо, вот вы этим и займётесь, — Софья назначила ответственных и попросила составить план работ.

— Нам нужен досуговый клуб для детей, — подала голос Катенька Балиевская, жена одного из инженеров, — я могла

бы там заниматься с детьми, готовить их к училищу. Да мы тут многие можем преподавать что-то полезное...

Никто об этом вслух не говорил, но Катенька была той самой, «белой», крови. Очень спокойная, всегда державшаяся с достоинством, в её глазах светился совершенно другой мир и другое осознание себя. Софья иногда очень жалела её и даже в мыслях не могла сказать «контра»³, хотя некоторые злые языки именно так шептались о Кате. Председатель женсовета видела в Балиевской ту самую жертвенную натуру, которая больше готова отдавать, нежели получать что-то для себя.

И её поддержали. Женщины сели писать план, каждая предлагала что-то, что именно ей сделать по силам.

Так, часть детей постарше была пристроена на обучение в ФЗУ, младшими же занялись Катя и несколько других женщин.

Помещение их клуба было слишком маленьким для всего, что они задумали, и женсовет для своих уроков и деятельности просился то в одно здание, то в другое.

— Костя, это решительно невозможно, — делилась Софья с мужем своими проблемами, — ты не представляешь, сколько безграмотных и полуграмотных, и не только детей, у нас, особенно в Нижней колонии. Там, где одни бараки и

³ «Контра» — в советское время презрительное прозвище контрреволюционеров, а также всех, кто не боролся за установление советской власти: дворян, интеллигентов, кулаков.

старые эти избы, которые лепятся то к лесу, то к реке. У нас просто места нет для всех.

— Сонь, а почему ты мне это только сейчас говоришь? Муж у тебя, между прочим, не последний человек в этом городе, — хмурился он. — Ладно бы вы там кружок шитья или пения делали от скуки, но вы же заботитесь о советских детях, будущем нашей страны!

— Ну а что ты можешь сделать?

— Один — ничего. Но мы же — коллектив, мы — товарищи!

— И?

— Нужно строить дом культуры для детей. Я знаю, что планы такие были, но в городе и так хватает забот истроек... Видимо, отложили до лучших времён.

— Я знаю, что делать! Мы напишем письмо...

* * *

Уже на следующий день Софья Александровна собрала женщин и объявила:

— Мы пишем письмо Надежде Константиновне!

— К-какой? — поперхнулся кто-то.

— Той самой! Крупской. Она заместитель просвещения народного комиссара СССР, она — женщина, в конце концов! Она нам поможет!

Какова же была радость женщин Кузнецкстроя, когда в

Сталинске на уже заложенном фундаменте начал строиться Детский дом культуры! Это была не какая-то деревянная изба, пусть и большая, а настоящий дворец. Софья с Томочкой стояли на пригорке, там, где на бровке грунтовой дороги росла жёсткая щетина травы, и смотрели на стройку. Им казалось, что дворец вырастает прямо у них на глазах.

* * *

Лето мало-помалу вступало в свои права. Расцвели так любимые Софьей огоньки. Весь май и начало июня у них дома во всех вазах горел пожар из этих цветков. Потом короткое, но, наверное, именно поэтому очень жаркое лето перевалило за середину.

Сегодня они опять ходили в Нижнюю колонию «выявлять безграмотных детей». Как ни странно, но матери часто прятали их, особенно девочек лет семи-двенадцати. Почему? Потому что дочка — она помощница по хозяйству, на неё можно переложить маленьких детей, готовку, уборку, таскание воды, дров и угля. Какая учёба, зачем она девке? Замуж выйдет и детей рожать будет! Такие «домостроевские» настрояния всё ещё бытовали в большей части барачников.

— Тётъ, а тётъ, а это ты тут главная? — догнал их делегацию уже на полпути к Верхней колонии белобрысый тощий мальчишка. На чумазой мордашке горели интересом большие голубые глаза.

— Ну я, — улыбнулась Соня, — меня Софьей Александровной зовут, а тебя?

— А меня Надькой, — ответил вдруг «мальчишка». — А правда, что вы одёжу даёте и читать учите? И кормите от пуза?

— Правда, Наденька, — ответила шокированная председатель женсовета. — А ты почему не приходишь, сколько тебе лет?

— Мамка говорит, что семь, я взрослая, — приосанилась та, — кады учиться-то? Да на кой оно девке надуть, замуж и так возьмут, и без грамоты этой вашей. Щи да кашу варить умею! — Девочка явно повторяла чьи-то взрослые слова.

Потом шмыгнула носом, плечики её худенькие под мальчишечьей рубашкой опустились, вся фигурка как-то по-старушечьи сгорбилась:

— Но я хочу, очень хочу! Токмо мне мамка запретила, узнает, что я к вам побежала, — поколотит. Косу, вот, отчекрыжила, чтоб вы не прознали, что я девка, и учиться не заставили. А кто ж меня без косы замуж возьмёт? Я малых

с Петькой оставила, да он шалопутистый, убежёт до лесу, я просто спросить.

— Вот что, Надя, — даже остановилась Катенька Балиевская, прерывая взволнованный поток слов ребёнка, который старался вывалить на них, кажется, всё, что теснилось в его голове, — пойдём-ка сейчас с нами. Я покажу тебе, куда надо приходить и где меня искать. Вот как сможешь, будешь прибегать, а я тебя учить стану. Сможешь?

Та решительно кивнула и направилась с ними. Катя сразу повела её к Детскому дому культуры, а потом и к своему дому. Девочка смотрела на всё огромными глазами и приговаривала, что это настоящий дворец, вот это да... Он и был настоящим дворцом: широкие лестницы, просторные светлые залы. Уже позже залы застелили коврами, поставили экзотические растения в кадках и горшках, а у парадного входа появились скульптуры.

* * *

А что Надя? Она начала сбегать из дома. Катя опекала её, учила, принимала в ней участие. Своих детей она иметь не могла и была рада девочке, которая оказалась очень умной и старательной. Поначалу подруги ждали, что мама Нади явится со скандалами, но той, как оказалось, было уже всё равно. Пили в бараках все — и мужчины, и женщины. Вот и Ндину маму не минула эта участь. Отлучки дочери, а потом и её

полное отсутствие она и вовсе не заметила. А дети... кто-то отрывался от барачного существования и шёл учиться, кто-то же так и оставался в Нижней колонии.

Софья Александровна Бутенко. 1937 год. Город Сталинск

Город строился и день ото дня преображался. В этом участницы женсовета видели и свои заслуги. Открылась большая светлая школа, получившая название средней школы № 17, а позже и имя знаменитого лётчика Валерия Чкалова. Построен был Дворец культуры и техники металлургов, окончено строительство Сада металлургов. Украшением этих зданий стали фигуры сталеваров у входа. Открылся новый стадион «Металлург» с трибунами на пять тысяч человек...

* * *

Строились и дома для жителей — с водопроводом и электричеством, общежития ФЗУ... Соня смотрела, как на её глазах посреди сибирских холмов и лесов, быстрых широких рек растёт город, как меняются его улицы, появляются дороги, расцветают по весне клумбы там, где раньше чернела вытоптанная земля.

Практика ходить на место и разбираться с тем, что нужно и чего не хватает людям, прижилась. Женщины посещали, наверное, все места в городе. Не обошли вниманием и общежития ФЗУ. Новые кирпичные корпуса, выстроенные один за другим, радовали Софью хоть каким-то подобием современного уюта. Уборные здесь были устроены внутри, общие кухни оборудованы плитами и вполне крепкими столами, комнаты на четверых — большие, светлые и отапливаемые. Но!

«Всегда есть это "но"!» — думала Софья.

— Мда, — вслух подтвердила её мысли Валентина, — как человеку учиться и работать, если он даже отдохнуть нормально не может? Откуда вообще притащили эти паршивые кровати и убогое бельё?

— Ты на одеяла посмотри, — тихо ответила ей товарищ председатель женсовета. — Нужно обращаться к снабженцам.

Но первым делом Софья Александровна обратилась к мужу. Её Костя всегда был готов помочь жителям Сталинска в их нуждах, о которых рассказывала жена, приходя вечером со своей работы. Однако в этот раз он лишь пожал плечами, мол, на заводе ничего этого не достать, разве что за собственные средства можно найти.

Софья долго размышляла, что же им делать. Собрать средства не было проблемой, проблемой было именно «достать» материалы. Первым делом женщины решили заняться заменой кроватей. Ну неужели во всём городе не найдётся древесины и плотников, чтобы сколотить хорошие койки? Нашлись. Работники гурьевского завода. Уже через несколько недель по всем общежитиям пахло свежей ароматной древесиной, из которой для учащихся сделали кровати.

В это же время Софья с мужем как раз отправились в Новосибирск, на съезд Западно-Сибирского крайкома ВКП(б)⁴.

Командировка случилась очень вовремя. Роберт Индрикович Эйхе тогда был первым секретарём крайкома, и Софья сразу же по прибытии в город позвонила ему. Они были уже знакомы с того самого памятного первого Всесоюзного совещания в Кремле. Женщина не очень надеялась на помощь, но привыкла не упускать ни единого шанса. В тот же день Эйхе пригласил её на встречу, где уже ждали снабженцы, которых он собрал, зная о проблеме «жены Бутенко». В обратный путь Софья отправлялась с целым вагоном шерстяных одеял, бельевого материала и, как ей казалось, тысячами необходимых мелочей.

Но ткань — это ещё не пододеяльники, простыни и наволочки. Тысячи метров ткани предстояло пошить. Её общественницы, большинство из которых привыкли самосто-

⁴ ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), название Коммунистической партии Советского Союза в 1925–1952 гг.

ятельно обшивать свои семьи, взялись за работу.

— Девочки, какие же вы умницы! — её пальцы подрагивали от волнения, когда она видела результаты их труда...

Софья Александровна Бутенко. **1938 год. Город Москва**

Дом на набережной. Фундаментальное серое здание, выходящее окнами на Москву-реку. Гранитная набережная для прогулок, большой зелёный двор и постоянное ощущение тревоги. Костю забрали...

Они уезжали из Сталинска в Москву по делам, ну и чуть-чуть отдохнуть, купить им с Тамарой новые платья. Ведь теперь в любимом городе, который они строили своими руками, который делали уютнее и красивее, можно было и сходить в театр, в кино, они с женсоветом даже организовали приличное кафе. Было, куда надеть красивые обновки.

Ночное купе, настойчивый стук в дверь. Соня проснулась первой, но открывать не стала, разбудила мужа. За дверью стоял проводник с какой-то бумагой в руках:

— Константин Иванович, Вам срочная телеграмма, — сказал он.

Муж вчитался и через минуту протянул её Софье. Текст врезался ей в память на долгие годы: «Бутенко К. И. Совершенно секретно. Вы назначены заместителем наркома тяжёлой промышленности. Срочно молнируйте кандидатуру директора комбината. Каганович».

Она сидела на своей полке, держала в руках бумагу и спросонья не могла осознать эти строки. Но первой её мыслью было: «Как же Костя без своего завода... Он же не кабинетник какой-то, а производственник». Подняла глаза на мужа и увидела на его лице те же сомнения. Вот только выбора у них никакого не было — до Москвы Константин Бутенко доехал уже в должности замнаркома.

Только в столице Софья поняла, что, насколько она сначала не хотела оставаться в Сталинске, настолько же сейчас хочет быть там. Там её жизнь, её женсовет, там она нужна и полезна людям. А что здесь? Сиди дома да выгуливай ряды?

Им дали большую квартиру в Доме Правительства, Костя день и ночь пропадал на работе, которая, она это видела, его не радовала. Тамара собиралась учиться. Впрочем, даже когда семья Бутенко узнала об аресте Эйхе и других видных деятелей и производственников в Западной Сибири, они не испугались. Им нечего было бояться, они за собой не видели

ни малейшей провинности.

— Пусть боится тот, у кого рыльце в пушку, — говорил её Костя.

* * *

Но на рассвете 15 мая в их квартиру зашли люди в форме и увезли его. Соня не плакала, до её сознания этот факт просто не доходил. Даже когда их с Тамарой переселили в одну комнату квартиры, конфисковали все вещи, кроме одежды, белья и какой-то кухонной утвари, а остальное опечатали, она ещё не боялась. Свято верила, что «там» разберутся, что Костя скоро вернётся.

Не вернулся... Только спустя десять лет Софья Александровна Бутенко узнала, что расстрелян он был практически сразу. Долгие годы Софья добивалась реабилитации мужа, и в 1954 году Константин Бутенко был официально реабилитирован.

Тамару пришлось отправить к родной матери на Украину. В Москве Софья не могла дать девочке даже банальной крыши над головой. Их выселили из квартиры без предоставления иной жилплощади. Все друзья и знакомые отвернулись от Софьи. Какое-то время она даже думала уехать обратно в Сибирь, но побоялась. Там тоже шли повальные аресты.

«Может быть, никого из моих друзей уже там и нет...» — с горечью осознала она.

Но остались всё-таки люди, которые не забыли и не бросили Софью. Ей помогли перебраться в Подмоскovie, снять комнату в избе и устроиться почтальоном, а после реабилитации Константина Ивановича Бутенко — вернуться в Москву и даже получить квартиру. Она до конца жизни жила одна и умерла в 1999 году, передав свои воспоминания о муже и жизни в далёкой Сибири в музей «Дом на набережной».

Глава 2. Анна Шерина

Анечка Ковалёва. 1932 год. Город Сталинск

В Сибирь они ехали долго. Эту дорогу Аня, кажется, запомнила навсегда, ведь это было первое путешествие в её жизни. В свои восемь лет девочка уже считала себя взрослой, хоть и была самой младшей из восьми детей. Папу ещё пару лет назад пригласили строить Кузнецкий металлургический комбинат, и он уехал туда вместе со своими сыновьями, пятью старшими Аниными братьями. Они с мамой и старшими сёстрами остались в небольшой живописной деревеньке в Украине, рядом с Днепропетровском. Только спустя несколько долгих месяцев от отца пришла весточка с наказом жене продавать хату и ехать через всю страну к нему.

Старшие сёстры Ани остались дома. Одна уже была замужем, а вторая училась в техникуме в Днепропетровске. Так Аня с мамой начали своё длинное путешествие почти через весь Советский Союз. Иногда было скучно, и девочка просила маму рассказать о том, как они с папой жили, когда её ещё не было на свете.

— Ой, деточка, — начинала вспоминать мама, — хорошо мы жили. Если б ещё не гражданская война и Махно....

— А он очень страшный был? — Ребёнок, конечно же, был наслышан и о годах войны, и о налётах махновцев, которые угоняли в своё войско всех мужчин, желали они того или нет. А отец Анечки не желал: он состоял в партии с 1901 года и установление советской власти встретил с радостью.

— Очень, моя хорошая. На нашей колокольне всё время кто-то дежурил, и, когда вдали на дороге появлялось облако пыли, это значило, что идут они, ироды. Тогда дежурный начинал бить в колокола, и все мужики и хлопцы в селе бежали прятались. Тятя твой бежал к речке, у него там под берегом яма была, где он скрывался. Однажды зашёл Махно в хату и начал бить меня плёткой, всё спрашивал: «Дэ твий чоловік?» А я только и твердила: «Не знаю, не знаю...» Так и ушёл он. Ничего я не сказала.

Аня представляла, каково было маме и уже родившимся тогда старшим братикам, и замирала от страха, прижимаясь к ней ещё теснее. Та гладила девочку по голове и начинала рассказывать старые добрые сказки, ругая себя за такие истории маленькому ребёнку.

— Мам, — долго горевать или переживать Аня не привыкла, тем более, сейчас-то никакого Махно уже давно не было, так чего его бояться? — А нас в Сибири тоже будут дразнить «Цегельниковы»?

— Нет, моя хорошая. Нас будут называть по нашей фамилии — Ковалёвы.

— Но ведь папа же мастер по цегельному делу!

— В русском языке есть слово «кирпич», и да, он и твои братья — настоящие мастера по обжигу кирпича, из него они строят большой-пребольшой завод. А «цегла» — это тот же кирпич на украинском, — улыбалась мама.

Долго ли, коротко, но длинная-предлинная дорога закончилась одним жарким летним днём на станции города Сталинск. Ане раньше рассказывали про Сибирь. Говорили, что там всегда зима, а сугробы наметает размером с самые высокие деревья в лесу. Но встречало их солнечное летнее утро, пронизанное запахами летних трав и улыбками родных. Отец и братья отпросились с работы на пару часов, чтобы встретить их и устроить в новом жилище. По дороге они делились новостями, а Анечка просто держала папу за руку и, счастливая, шла рядом.

— Мать, Семён-то наш с самим Бардиным общался! — громко, явно гордясь старшим сыном, рассказывал тот. — Так он поставил его директором кирпичного завода № 1!

— Так у него ж образования-то нет директорского? — так и ахнула мама, даже остановившись на секунду.

— А у кого оно сейчас есть? Зато он производство знает, с людьми говорить умеет. Так что теперь он не Сёмка, а Семён Степанович Ковалёв!

Раскрасневшийся Сёмка шёл рядом и нёс мамины узлы с одеждой, довольный похвалой и признанием.

Поселились они в большом деревянном доме. Но не отдельном, как было у них в деревне у Днепропетровска, а аж с

двумя этажами и на несколько семей. В доме печка-буржуйка и две комнаты с кухонькой. Располагался этот дом, «барак», как называли его взрослые, в Куйбышевском районе города, рядом с кирпичным заводом, около шахты им. Димитрова. Детей здесь было много. Приехали они из самых разных концов Советского Союза, были из совершенно разных семей, но неизменно тянулись к общению друг с другом. Вместе ходили в школу, справлялись с домашним хозяйством, пока родители строили город и завод, и в свободное время, как ручейки стекаются в реку, стекались к единственному тогда Дому пионеров и школьников, который был через дорогу от автобазы КМК.

Здесь Анечка, которая и так очень любила учиться, и особенно — родной язык и литературу, начала ходить в театральный кружок, а потом и в танцевальный. О том, что такие вообще есть в Сталинске, они узнали от Совета жён работников комбината. Эти красивые женщины приходили к ним в класс и рассказывали о том, где дети могут заниматься вне школьных уроков. К некоторым даже приходили домой и разговаривали с родителями, уговаривая устроить девочек и мальчиков в Дом пионеров на внешкольные занятия, чтобы те не мотались по улицам беспризорниками. Кто-то с радостью отдавал ребёнка и поддерживал новые интересы, кто-то (такие тоже были) говорил что-то вроде: «Зачем девке ваш «театр», пусть готовить да хозяйство вести учится».

— Оно-то и понятно, — вздыхала Анечкина мама, когда

девочка рассказывала, что её школьную подружку Машу не пускают с ней в кружок, — у них детей мал мала меньше, вот и смотрит твоя Маша за всеми, хозяйство тянет. Это ты у нас младшенькая и балованная, а вот Валя твоя старшая тоже мне в деревне всегда с вами помогала.

— Но это же несправедливо! — восклицала Анечка.

— Вот вырастешь — и будешь бороться за справедливость, — улыбалась ей мама.

Аня Ковалёва. 1941 год. Город Новосибирск

Бороться за справедливость Ане пришлось гораздо раньше, чем она рассчитывала, и совершенно по-другому. В шестнадцать лет она уехала поступать в театральное училище в Новосибирск, но пришлось идти в медицинское. В тот день они с подругами-соседками по общежитию собирались на практику в больницу, был уже второй курс, и девушек всю привлекали к полноценной работе. Вдруг по гулким коридорам прокатилось это страшное слово — война...

Они замерли, а потом бросились из комнаты.

— Что случилось? — переспрашивали люди друг у друга.

— Фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз, — пересказал кто-то, слышавший сообщение по радио.

— Что же теперь будет? — ужаснулась Аня.

— Теперь нам идти в больницу на работу, — одёрнула её

подруга.

И они всё-таки собрались и пошли на учёбу-работу. Мобилизация пока ещё объявлена не была, но Аня уже решила, что её дорога лежит туда — спасти людей. Поэтому, когда через несколько месяцев люди массово пошли на призывные пункты и стали уезжать в длинных-предлинных составах на запад, туда, где гремели взрывы снарядов и гибли люди, она тоже пошла. Аня вспоминала своё путешествие через всю страну с мамой и думала, что тем ребятам и девочкам, мужчинам и женщинам сейчас нужно ехать в обратную сторону, чтобы остановить то зло, которое идёт на них. Как она может оставаться в стороне? Она же медик, она может помочь.

Так она и явилась в призывной пункт и, прибавив себе год возраста, чтобы её сочли совершеннолетней, отправилась на фронт.

На фронте Аня работала фельдшером, лаборанткой санитарного взвода. Даже получила звание — лейтенант медицинской службы. Она не любила после войны вспоминать самые тяжёлые события, но некоторые — забавные и даже смешные — всё же неоднократно пересказывала родным. Аня вообще потом говорила, что военное время было для них для всех счастливым, хоть и крайне тяжёлым и страшным, ведь это были времена их молодости.

В январе 1944 года в ходе Кировоградской наступательной операции войска 2-го Украинского фронта, в которые входила и артиллерийская дивизия, где фельдшером служи-

ла Аня, освободили Кировоград. В их полевой госпиталь из одного полка стали поступать тифозные больные. В это же время дивизия, на позициях которой располагались медики, держала оборону, ведь фашисты не собирались просто так оставлять свои позиции, а раз за разом пытались отвоевать город. Тогда-то она и получила задание от командования: ликвидировать очаг сыпного тифа в одном из артиллерийских дивизионов второго полка.

— Анна, у тебя три дня. Что делать, знаешь? — спросил начальник медслужбы.

— Всех солдат вывезти, бельё, что на них, уничтожить огнём, в землянках или окопах, где они жили, провести дезинфекцию.

— Молодец, вперёд! Берёшь бойцов — и за главную там! Они справились за два дня.

«У меня есть ещё целый день на задание, — думала она. — Справились раньше, значит, я могу быстро смотаться в Кировоград! Подождёт родной медсанбат, пока я сделаю завивку!»

Да-да, Аня прослышала, что в городе уже работают парикмахерские, и грезилa о красивых кудрях. Если бы она только знала, что командир её санбата позвонит в дивизию и спросит, как продвигается санобработка, на что ему ответят, что всё сделано и Анна уже отправилась к ним, то никогда бы не убежала в поисках парикмахерской.

И она её нашла и сделала потрясающую химическую за-

вивку. Ещё никогда Анины локоны не лежали такими красивыми тугими кольцами. Даже из-под некрасивой шапки они выглядели очень кокетливо. Что за это время успел пере-думать её командир, девушка поняла, только когда на попутных автомобилях и даже танках добралась до своего санбата за сто километров от Кировограда.

— Ваше задание выполнено! — явилась пред его ясные очи и отрапортовала она.

— Где ты была? Мы уже думали, что ты заблудилась и попала в плен, да мало ли что могло случиться!!! — вскричал командир. — А это что ж за кудряшки?

Только в этот момент Аня поняла, как за неё волновались. Она стояла, понунив голову с красивыми кудрями, и плакала.

— Я была в парикмахерской, — глотая слёзы, ответила она.

Несмотря на абсолютную глупость такого детского поступка, её всё же сильно не ругали. Поживший уже мужчина прекрасно понимал, что девочка ещё очень и очень молода и даже наивна. Совсем юной попала на фронт, и только чудо ведёт её сквозь весь этот ад, грязь, кровь и страдания войны.

Через несколько недель их медсанбат отправился дальше на запад. Войска СССР гнали фашистов туда, откуда они пришли, а за ними двигался и медсанбат, не оставляя без помощи ни своих солдат, ни местных жителей, пострадавших в ходе боевых действий. К маю 1945 года Анна оказалась в

Австрии, в сорока километрах от Вены, где после объявления капитуляции Германии находился штаб по расформированию медицинских работников.

Практически все её сослуживцы один за другим получали бумаги о демобилизации, чтобы отправиться домой.

— Анна Степановна Ковалёва? — Начдив глянул на неё исподлобья, а потом снова опустил глаза в бумаги.

— Так точно, — ответила Аня, в душе замирая, уже чувствуя, что ничего хорошего ей ждать не приходится.

— Лейтенант медслужбы Ковалёва, вы остаётесь здесь, в распоряжении дивизии как фельдшер-лаборант, — для Ани эти слова прозвучали как приговор.

— Н-но как же? Я домой хочу, в Сибирь!

— Здесь много госпиталей, и лаборанты нужны — клинические анализы делать, продукты обследовать. Поедешь в Вену, в госпиталь. Он будет там располагаться ещё долго, вместе с центральной группой войск.

Слёзы полились водопадом. Аня стояла и ревела в голос:

— Пожалуйста, отпустите меня в родную дивизию! Хочу с ними домой! В Сибирь! В Сталинск!

— Да успокойся ты, дурная. Будешь жить в Вене, поработаешь тут десять лет, зато потом обеспечена будешь на всю оставшуюся жизнь! Есть у тебя жених?

— Не-е-е-ет, — не могла успокоиться Аня. Истерика, похоже, только набирала обороты.

— Так мы найдём!

— Не-е-ет, отпустите!

— Тьфу ты! — Начдив шлёпнул печать на документы, и Аню демобилизовали. — Поезжай в свой Сталинск!

Так и получилось, что Анна буквально вырвала себе дорогу домой. Вместе со своей дивизией она добиралась в Сибирь несколько месяцев. Они ехали через Венгрию, Пятигорск, Горячеводск... Почти в каждом городе ей предлагали остаться. Персонала в больницах и госпиталях не хватало, а уж опытные фельдшеры и лаборанты были на вес золота. Пусть и такие молодые, с задорными кудряшками. И везде она упрямо твердила: «Я хочу в Сибирь, только в Сталинск, домой!»

Анна Ковалёва. 1945 год. Город Сталинск

В городе, который Анна с восьми лет считала родным, она не была семь долгих лет. Уезжала поступать в театральное в Новосибирск, а оказалась с войсками в Европе. Здесь, дома, у неё не было ничего, кроме огромной любви родных и привязанности к этому удивительному городу.

Анна обнимала маму и папу, оставшихся в живых троих братьев и несколько дней просто плакала от счастья, не особо обращая внимания на то, что происходит вокруг. Но рано или поздно любые сильные эмоции, будь то радость или горе, сглаживаются, отступают перед непрерывным потоком, который называется жизнью.

Во время войны они с девочками мечтали о том, как вернутся домой и заживут мирной жизнью. Что устроятся работать, будут ходить в кино, летом — на танцевальные вечера в парках, обязательно — в театр. Даже придумывали, какие у них будут платья, туфельки на белоснежные носочки. Некоторые даже фантазировали, какие занавесочки повесят на окна и какие красивые скатёрки на стол свяжут крючком. В общем, о женских, таких обычных радостях, которых они были лишены все эти годы. Совсем молодые девчонки, да и взрослые женщины, мечтали там примерно о том же.

У Анны же в этой мирной жизни не оказалось ничего из того, о чём мечталось. Всю войну она прошла в кирзовых сапогах, и только по Европе она шагала уже в новых, специально сшитых кожаных. Это была её первая обувь за эти годы, которая пришлась по ноге и не выглядела так страшно, как здоровенная грубая кирза на стройных девичьих ножках.

Также остались у Анны и единственные туфельки, которые она хранила и берегла как зеницу ока, даже не давая пофорсить в них сёстрам, перебравшимся в войну сюда же, с Украины в Сталинск. Туфельки эти девчонкам медсанбата достались чудесной случайностью. Они тогда уже стояли в Австрии, война была официально завершена, и все ждали демобилизации, когда в их расположение приехала машина командира дивизии Федоровского. Всем известно, что он любил всё красивое, прекрасное. Так вот, он привёз в их медсанбат, как трофей, целую машину с туфлями, которые

вывалили перед девушками, — мол, ищите себе пару. Счастью не было предела! Несмотря на простой фасон — лодочка на небольшом каблучке-рюмочке, туфельки выглядели очень красивыми и аккуратными. Размеров было много. Так девчонки с радостным визгом кинулись рыться в этой куче и подыскивать себе туфельки.

Вот в мирной жизни у Анны и были только эти туфельки, сапожки да военная форма с шинелью. Те вещи, которые оставались у Анны дома, мама выменяла на продукты. В те времена с ними было тяжело. Младшей дочери, фронтовичке, пришлось донашивать обноски старших сестёр. Они ей что-то отдавали, а Анна перекраивала на свой манер, перешивала, делала на кофтах и стареньких платьях красивые вышивки, отчего вещи оживали и становились нарядными.

— Ань, а вышей нам по кофточке, а мы тебе платье отдадим, — предлагали сёстры.

Ей очень хотелось красивое платьице. Сначала, когда только вернулась, Анины ровесницы бегали на танцы, а ей казалось — слишком взрослая. Много на войне повидала, куда уж по танцулькам бегать, время юности прошло. Вот так в двадцать один год Анна вдруг записала себя во взрослые женщины. Правда, потом попривыкла, вжилась и тоже стала ходить в Сад Металлургов в Центральном районе, к клубу Дзержинского в Куйбышевском. Музыку исполняли духовые оркестры. Играли вальсы, танго. Круглые такие площадки вечерами освещались, по аллеям ходили, встречались, зна-

комились. Одевались в простой ситец, а когда с 49-го года по талонам начали выдавать крепдешин, девушки были просто счастливы. Шили платья, бегали в библиотеку, чтобы посмотреть столичные журналы, обменивались выкройками... После войны Анна ещё три года ходила в своей фронтовой шинели, а из гимнастёрки сшила разлетаечку. Потом отцу дали талон на сукно, и Анне сшили пальто. Новое и только её, а не ношенное уже сёстрами.

* * *

Жизнь шла, и Анна постепенно привыкала к ней. Вернувшись в родной город, она сразу же пошла в райком, где был военный отдел, который помогал фронтовикам устроиться на работу, получить жильё. Их барачная квартира была слишком тесной для всех. Несмотря на то, что у сестёр и братьев, которые практически все работали — кто на заводе, кто в шахте, — были свои квартирки по соседству, их дети почти постоянно находились с бабушкой, которая занималась хозяйством и присматривала за ребятишками. Анне хотелось хоть какой-то обособленности.

В райкоме ей дали направление на работу в пятую больницу — поближе к дому. Анна отдала документы и пошла вставать на партийный учёт.

* * *

— Может, вы останетесь у нас — работать в партийных органах? — спросил девушку секретарь райкома.

— Я ничего не умею делать, кроме как перевязывать раненых. И я сама этот вопрос решить не могу, мне надо посоветоваться с папой, — несмотря на все тяготы жизни и кажущуюся «взрослость», Анна всё ещё оставалась в чём-то ребёнком. Поэтому и растерялась после такого вопроса.

Тем же вечером она пришла домой и за чашкой вечернего чая завела разговор, пересказав родителям предложение секретаря. Кроме того, Анна вспомнила представительниц женсовета, которые когда-то приходили к ним в школу, занимались с детьми и женщинами, работали в домах культуры. Ей хотелось делать что-то такое же, быть поддержкой всем тем, кто в ней нуждался.

* * *

— Знаешь что, дочка, — сказал ей тогда отец, — даже если тебе уборщицей предложат в райкоме партии работать, ты должна согласиться. Туда не каждого приглашают.

Решение было принято, и уже на следующий день девушка появилась на пороге райкома, согласная на любую рабо-

ту. Если бы Анна знала, что именно здесь встретит своего будущего мужа, то не сомневалась бы ни минуты. Впрочем, своим счастьем Анна не хотела делиться ни с кем, поэтому они просто тихо расписались, и она стала жить уже с новой фамилией — Шерина.

Анна Степановна Шерина. 1973 год. Город Новокузнецк

— Наконец-то я добралась до своей любимой культуры! — со смехом воскликнула уже Анна Степановна, когда ей предложили стать председателем горкома профсоюза работников культуры.

За эти годы Новокузнецк вырос. Её папа, буквально построивший металлургический завод, уже покинул их, мама «ушла» следом. Годы летели, а Анне так хотелось притормозить их, чтобы насладиться мгновением. Она уже много лет работала в райкоме, но занималась по собственной инициативе не только пропагандой, заведомо которой была. В основном, сотрудничала с женсоветом ЗСМК⁵, устраивая лекции для женщин, делала обходы домов и квартир, знакомясь с условиями жизни простых работниц заводов.

⁵ ЗСМК — Западно-Сибирский металлургический комбинат (г. Новокузнецк Кемеровской обл.).

* * *

Ещё в 1949 году Анну направили в Новосибирск, в Совпартшколу, откуда она постоянно ездила домой в Сталинск, а потом уже и в Новокузнецк. Анна интересовалась не просто жизнью родных, но и жизнью города, уже представляя будущую свою работу, придумывая, чем станет заниматься, когда вернётся. Вернулась уже насовсем Анна только в 52-м, тогда-то её и назначили в Кузнецкий райком на общественную работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.